

Виктор Гофман

СЛЕПОЙ ПОЛЁТ

Виктор Гофман

СЛЕПОЙ ПОЛЁТ

Художественно-издательский центр

Москва
2010

«Вдруг под ветром взлетел опадающий лист...»

А. Блок

* * *

Как я счастлив на этой неделе!
Небывалый простор впереди.
Незаметно леса облетели,
Но последние медлят дожди.

Хорошо быть простым и покорным,
Видеть небо и дни не считать,
И за делом пустым и упорным
Уходящую жизнь коротать.

Отпустили на волю желанья.
Угрызения ветер унёс.
И сквозит синева расставанья
В отворившихся ветках берёз.

Словно где-то вблизи полустанка
Над покоем взрыхлённой земли
На безлюдье играет шарманка
И глядит, как летят журавли.

Нелётная погода

Опять, опять перевернись.
Уже который час не спится.
Метель метёт. Уходит жизнь.
Встают и исчезают лица.

У ночи очертаний нет.
И не садятся самолёты.
И слился хор далёких лет,
В усердьи детском глядя в ноты.

В одном усилье тянут все
Самозабвенно и негромко,
Или на взлётной полосе
Свистит и стелется позёмка.

И вьюга бьётся о стекло,
Как страсть бессильная в разлуке,
А сердце словно затекло
От неподвижности и скуки.

До рейса так и доживём
В полутревоге, в полудрёме,
Ворочаясь в краю чужом
И на чужом аэродроме.

Командировка

Ни жизни гимн в весеннем парке
В сирени последождевой,
Ни упоенный ветром, яркий
Упругий серфинг над волной,

Ни снег, искрящийся просторно
Вокруг ликующей лыжни,
Ни брызги утром речки горной –
Уже сквозь годы не видны.

Одна стоит, не оседая,
Уже бессмертная почти,
Степей киргизских пыль сухая,
Как поступь дней в конце пути.

Равнины выцветшей, убогой
Сухая в трещинах тоска,
И клубы пыли над дорогой
За маятой грузовика.

Восток

Где томится веками
Раскаленный Восток,
Только солнце и камень,
Только мертвый песок.

Будто зов без ответа
Из тоски мировой,
С высоты минарета
Изнывающий вой.

И дыханье пустыни,
Как изгнанья печать,
Чтоб забыть о гордыне
И по раю скучать.

Малеевка

Забыть обо всём, и сбежать бы
От белых колонн на крыльце
По твёрдым ступеням усадьбы,
И спрыгнуть у клумбы в конце.

Вдоль сада и мимо беседки
В кроссовках легко пронестись;
Лететь и отбрасывать ветки,
Ликуя, стремительно, вниз,
Где к пруду тропинка крутая
Вся в зарослях – жизни полна –
Где ждёт на воде золотая
В привязанной лодке она.

Языческий храм

Здесь только серый камень голый,
Суровый свод из грубых плит,
И воздух затхлый и тяжёлый
Угрюмой сыростью томит.

Ни для моления святыни,
Ни мук усталых на кресте –
Один алтарь посередине
Застыл в могучей пустоте.

Потомки Ромула и Рема,
Вы правы – ход столетий прост,
Небесный купол смотрит немо
Бессмысленным мерцаньем звёзд.

И лишь окраинный народец
Сквозь россыпь щедрую светил,
В бездонный заглянув колодец,
Участья ветер ощутил.

Узрел средь звёзд мечтатель пылкий
Какой-то знак, какой-то жест;
И на дороге у развилки
Поставил свой тревожный крест.

Кто эта грузная старуха
В тяжёлой шубе, под зонтом
Ступает, щурясь близоруко,
С усталым и безвольным ртом?

Потом с одышкой к аптеке
На три ступени поднялась,
И еле-еле держит веки
Над пеленой потухших глаз.

Позвольте... Господи! Не та ли
Дворянка, серна, егоза,
Чьи словно дротики метали
Продолговатые глаза.

Чья грудь высокая вздымалась,
И полный зал рукоплескал,
Когда, сияя, поднималась
Она на сцену пышных Канн.

Ах, только бы не отказала
Принять дыханье белых роз
В объятья майского вокзала
В смешенье радости и слёз.

Ступай... Иди туда, Татьяна,
Гори спасительным огнём
Неувядающая рана
На сердце стынущем моём.

Метель

Бесшабашная, дикая сила,
Шумный гость из далёких широт,
Наконец-то метель закружила,
И по всем закоулкам метёт.

Мне безумие снежное ближе,
Чем скучающий дождик смурной,
Надоело в исхоженной жиже
Чертыхаться и чавкать зимой.

Я люблю этот посвист широкий,
Как в степи пугачёвский набег,
Пусть слепит, и царапает щёки,
Бьёт в лицо нескончаемый снег.

Но, когда горячась, сатанея,
Я иду на неё всё быстрее,
Приближение бездны яснее,
Ощущение жизни острее.

Как ты ворочалась в постели,
Как ты ласкала, не любя;
Я не встречал нигде пустее
И равнодушнее тебя.

Но, как сбегала ты нагая
В шумящую прибоем мглу,
Как лука тетива тугая,
Пустить готовая стрелу.

Зверёк, попутчица, актриса...
Но побежал бы за тобой,
Когда во славу Диониса
Звучат кимвалы и гобой.

Чтоб в дикой роще у залива
Среди обветренных олив
Настигнуть в ярости счастливой,
Легко на землю повалив.

Нет сердца в глубине соцветий,
Их веселит гуденье пчёл,
Одна пыльца – их добродетель,
И бог – изменчивый Эол.

Моцарт

Когда под вечер нас тоска берёт,
Когда пространство скука отравила,
Мы все вкушаем от твоих щедрот,
От шалости и трепета клавира.

Ты знаешь, Моцарт, что такое рай,
Как недалёк его прощальный шелест,
Так пальцами резвей перебирай
И рассыпай утраченную прелесть.

Пускай в пути проветрится печаль,
Пусть будет ей воздушно и просторно;
И женщинам восторги расточай
Томительными вздохами валторны.

И снова клавиш бликами скользи
По виноградным листьям, по сугробам...
Скрипят колёса, хлюпая в грязи.
И зимний дождь один идёт за гробом.

* * *

Над биржами Лондона хмуро.
В тумане заводы чадят.
И только герольды Артура
О дальних турнирах твердят.

Где в небо взмечаются трубы,
И в ложах по первым рядам
Тревожно шевелятся губы
Воздушных и преданных дам.

Где доблестью в латах сверкают,
И клятвы дают небесам;
А в небе драконы летают,
И тролли бредут по лесам.

* * *

Гарри Гордону

Лица не разглядеть от грязи,
Тяжёл замызганный тулуп,
И мат слетает в каждой фразе,
Как шелуха, с разбитых губ.

У магазина знает всякий
Его безмерную суму,
Две разномастные собаки
Везде сопутствуют ему.

Среди спящего народа
Они бредут в промозглой мгле,
Как милосердьё и свобода,
Неразлучимы на земле.

Венеция

Гиганты бьют полночный час...

А. Блок

1

Там время застыло по милости Божьей
И в улочках тесных течёт неподвижно,
Там голубь воркует со времени дождей
У старого Марко на плечи булыжной.

Когда я растаю в далёком эфире,
Когда я освою небесный посёлок,
Венеции сизой, как память о мире,
Под сердцем оставь драгоценный осколок.

Пусть улочки эти приблизятся снова,
И в горнем покое кольнут на мгновенье
Янтарные блики канала ночного
И в запахе моря по жизни томленью.

2

Там, только холодные ветры подули,
Скрывают лицо за картонной улыбкой,
Мелькают наряды, ступают ходули,
И клювы снуют за ликующей скрипкой.

Хватайте подружек под шум карнавала,
Кружитесь у моря в обветренной пляске;
Когда вы поймёте, что всё миновало,
Припомните эти подвижные маски.

Когда заскрипите по доскам настила,
Кряхтя над водою, что все перемерли,
Что в мире недолго душа погостила,
И годы першат в неприкаянном горле.

3

Далёко в России есть город похожий,
Там только мосты над волнами длиннее;
Там бродит подолгу усталый прохожий,
В надежде случайно увидеться с нею.

Нелепой под старость мечте потакая,
Ведь столько прошло, как со времени дождей:
И он не такой, и она не такая...
И что мне сказать ей?

И всё же, и всё же...

На стены ложатся недолгие тени,
И слышится песня о прелести донны
Под плеск еле слышный о плесень ступеней,
Под шелест вечерний скользящей гандолы.

Смеркается быстро. И матово блекла
Стальная поверхность. Но мало-помалу
В соседних домах загораются стёкла,
И зыбкие блики бегут по каналу.

А песня всё дальше уходит к заливу,
Слабеющий голос доносит оттуда,
Как лет отдалённых призыв сиротливый,
Как тающей жизни щемящее чудо.

Гиганты готовят работу на башне
И ждут в темноте своего господина;
И завтрашний день окликает вчерашний,
Как-будто не слиты они воедино.

Неярко мерцая, глядят издалёка
Созвездья несметные над колоннадой,
И ветер с лагуны, тревоживший Блока,
Глаза увлажняет бессмертной прохладой.

* * *

Этот крест не отдам никому.
Это бремя завещано мне,
Как упрямая песня в дыму,
Как пылающий голос в огне.

И, когда догорит на земле
Тяжело развалившийся сруб,
Я – как шорох в остывшей золе,
Немота у запекшихся губ.

Оттого мне и ноша легка,
Что со мной дирижёр говорит,
И над жизнью взлетает рука:
То взлетает рука, то парит.

Окно

Рушане

В утренней комнате с окнами ясными.

О. Николаева

Прохлада апрельская льётся
С отградных и ясных высот;
Как солнце, узбечка смеётся
И стёкла газетою трёт.

Так долго упрямо и блёкло
Здесь мир обрамлялся другой,
И вот – проясняются стёкла,
Как сердце от вести благой.

И сразу же стало заметно,
Как скучно я жил на земле.
Прохладные, лёгкие ветры
Листайте тетрадь на столе!

Салатовой свежестью вейте,
В занявшихся почках свистя;
Прозрачные стекла, синейте,
И ясное смейся, дитя.

Когда пробиваются почки
Навстречу лучам золотым,
Прошу я у неба отсрочки
Свиданья заветного с ним.

И проще, и легче проститься
С дымком восходящей судьбой,
Когда перелётные птицы
Зовут в синеву за собой.

Под ними – притихшие рощи
И в праздности рыхлой поля;
Просторнее стала и проще
В преддверии снега земля.

В осенней, дремотной печали,
В смиренной, прощальной красе
Такая чужая в начале,
Такая родная в конце.

* * *

Третий день дожди и стужа,
Да собак унылый лай.
Ходит баба, ищет мужа,
Кличет: Коля, Николай!

Надрывает слабый голос,
Так сильна её тоска,
Только вспомнит, как кололась
Хорошо его щека.

Зов её разносит ветер,
И примешивает свой...
Только кто же им ответит
С перебитой головой.

Крым

Сергею Цигалю

«Зачем шумит бессмысленная пена,
Опять, опять на берег напозая;
Зачем прибой вздыхает, как живой,
Где видано, чтоб мёртвое дышало?» –
Стоял у моря и шептал Волошин.

Не так давно в Ливадии осенней
Перед семьей бодрился Александр,
Но Бога звал, измученный водянкой,
И угасал могучий бородач.

А рядом дрался шишками на крыше
Наследник и последний русский царь...
Играй, играй – ещё далёко Псков,
Сибирь, тоска и холодок подвальный.

«Зачем шумит бессмы...» – шептал Волошин,
И Белый шёл со Штайнером под мышкой,
Цветаева – ещё совсем ребёнок –
Сбегала вниз по мягкому песку.

Что будет здесь через десяток лет,
Когда к воде приблизятся разрывы,
И под завязку пароход последний
Прощальным басом берег позовёт.

Куражились, погоны отрывали,
И на погрузку гнали, как животных,
Штыками торопили, матерились;
И стонущие баржи шли на дно.

Бродили здесь голодные крестьяне,
Притихшие, растерянные тени,
С застывшей мукой в тающих зрачках:
«Куда податься?»

Но уже цвели
Советских здравниц клумбы и фонтаны.

Когда гурьбой смеющейся в спортзал
Врывались полосатые футболки,
Уткнув в бушлатик подбородок колкий,
В сибирской зоне Осип замерзал.

К мечетям жались местные татары
Перед глухим путём в тартарары.
Шестидесятых лёгкие гитары,
Романтики последние костры.

Потом сукно бильярдное терзали,
Мусолили шестёрки и тузы
Шахтёры со свинцовыми глазами
Перед лицом порубленной лозы.

Но вот на берег хлынула валюта,
И бодро застучали молотки;
И брызги от шампанского салюта
Заляпали палатки и лотки.

И всё смешалось: бритые амбалы
С тяжёлыми цепями на груди,
Журнал с портретом Барака Обамы,
Ночные бары, столики с блядьми,

Волошинские чтенья и стриптизы,
Рулетки, караоке, шашлыки;
И путают затейники репризы,
И шлягеры меняют кабаки.

Где так орёт охрипший микрофон,
Что у вершин закладывает уши.
Уже без сил у столиков трясутся,
Несут шашлык, меняется посуда,

В сортире в спешке давятся слюной, –
И бесится, не успевая, жизнь
Урвать своё перед грядущей бездной,
И с визгом лезет в море,
И блюёт..

А утром – над бледнеющим заливом
Прохладные проходят облака.
На набережной чутко и пустынно.
И ветер с моря мусор шевелит.

Лишь редко чайка вскрикнет у воды,
Да каблучками гулками стучит
Случайно загулявшая девчонка
В вечернем платье – отсыпаться всласть...

Зачем шумит бессмысленная пена?
Бог ведает, зачем она шумит.

Воробушек

Рушане

Маленький, хрупкий воробушек
Скачет и просит поесть.
Я покрошу ему хлебушек:
Скачет и шустро клюёт.

Сколько нечаянной радости
Дарит нам случай простой...
Маленький, хрупкий воробушек,
Рядом почаще скачи.

Паганини

Где камина трескучая дрёма
Утольками забвенья манит,
Позови меня, ветер, из дома
В переключку колёс и копыт.

Нам уже никогда не согреться
В угрызениях вёрст и разлук.
Год за годом – и силы, и сердце –
Всё ушло в ускользящий звук.

Ты на волю затем и отпущен,
Чтоб витийствовать темой сквозной, –
Просвисти мне о граде грядущем,
Как посланник его и связной.

Разве мне эта россыпь оваций,
Мишура поздравительных лент, –
Я бессмертных твоих вариаций
Лишь послушный тебе инструмент.

Пусть умру рядового безвестней,
Но по знаку небесной трубы
Пронесись, пронеси над болезнью,
Над сутулым бессильем судьбы.

Или просто обветри коляску,
И с возничим тяни с облучка
Про дорожную вечную тряску
И тоску от смычка до смычка.

Ширанскому

Как, на полу цементном коченея,
В смертельной не отчаяться тоске?
Лишь шахматных этюдов панацея
Тебя спасала в каменном мешке.

Бывало пешка медлила с атакой,
Боясь в беде оставить короля, –
Когда ж свободны белые поля –
Смотри в глазок или засовом звякай –
Ты далеко, грядущий гость Кремля.

Когда же ты сдавался, холодея,
И падал в чёрный ужаса провал,
Палящий луч далёкой Иудеи
Через моря и годы согревал.

* * *

Стекают капли пота,
На брови набегая,
Строгать гробы – работа
Не хуже, чем другая.

Так остро пахнет стружка,
И дышишь каждой жилкой.
Встречай меня, подружка,
Усмешкой и горилкой.

А налетят ребята
И побузят немного –
Гуди, звонарь горбатый,
Буди меня и Бога.

Петербург

Жёлтый снег, облипающий плиты.

И. Анненский

На всю Россию ты простёр
Пыл вдохновений и восстаний;
Ты – весь пространство, весь – простор,
Студёный ветер над мостами.

Напрасно моросят дожди –
Бежишь шагами молодыми,
И жизнь как-будто впереди –
В свободе, море и гордыне.

Великий позапрошлый век
Впечатался в твои граниты,
И скоро желтоватый снег
Облепит пасмурные плиты.

Здесь Тютчев что-то говорил
С мучительным недоумением
Над неизменностью перил
И всё минующим течением.

Считающий деньги

Пока архангельские трубы
Не вострубили в облаках,
Шевелятся блаженно губы,
И пачка шелестит в руках;

Он шепчет, как служитель культа,
И лёгок пальцев перебор,
Как над роялем – Глена Гульда
В дивертисменте ля мажор.

Гармонь

Словно ищет в потёмках кого-то.

М. Исаковский

На нетвёрдом краю табурета,
На пути у столичных забот
«Снова замерло всё до рассвета...» –
Старичок в гимнастёрке поёт.

Всё никак он не в силах проститься
С тёплым шелестом летней земли,
Лёгкой девушкой в платье из ситца,
Потерявшейся где-то вдали.

Там, где будит прохладные росы
Наступающий посвист косы...
Только чьи-то далёкие косы
Безутешные ищут басы.

Простота этих песен святая,
Расставаться с тобой не хочу,
Даже если напрасно плутаю,
Даже если напрасно ищу.

Гомер

Настраивая лиру у прибора,
Аэд струны касается тугой,
И вот уже – изнемогает Троя,
И бедный Гектор принимает бой.

Когда же пыль взовьёт за колесницей
Влачащееся тело мертвеца,
Восторг и ужас озаряют лица
Перед высокой дерзостью певца.

Как этот грубый панцирь черепахи
И эти струны из овечьих жил
Оцепенеть их заставляют в страхе
И вместе плакать у чужих могил?

...Сливаясь с ночью, море тихо плещет,
Как в чёрном хор бесстрастный и глухой,
И жаль тебе, что странник этот вещей
Умолкнет за подземною рекой.

Ёще не скоро по глазницам впалым
Дрожь пробежит – и, дерзостный старик,
В заветный час вздохнёшь перед началом
И под рукой нащупаешь тростник.

А.П. Межирову

Шла лихая игра на втором этаже
В этот вечер промозглый и мгlistый,
И, наживу заранее чуя уже,
В ожиданьи томились долисты.

Был заезжий любитель в надёжных руках
И в плену безнадёжных иллюзий.
Он по лузам стучал, он витал в облаках,
И всё туже затягивал узел.

А под утро и вовсе поплыл пассажир
И откуда-то вынул заначку,
И с усмешкой сухой на сукно положил
В упаковке тяжёлую пачку.

И пошел шепоток посреди знатоков,
Всё судили и перебирали:
То ли сеть по Сибири подпольных цехов,
То ли тихий приход на Урале.

А хозяин в рассохшемся кресле дремал,
Под обстрелом удерживал роту,
То слабеющий взгляд на игру поднимал,
То опять погружался в дремоту.

Там за взрывом летела земля на погон,
И нельзя отойти без приказа;
И качал подстаканники мягкий вагон,
Проплывая цветенье Кавказа.

Там наполненный рог поднимал тамада,
И в кувшинах несли цинандали;
И под топот усталых сапог города
В обожжённых руинах лежали.

Там печально над грязью воронок и тел
Голосили какие-то птички,
И на улице Гоголя ффраер летел,
И хозяин дремал по привычке.

Потому, что теряешь к игре интерес,
Если прежде зачитана повесть;
И шумел за окном переделкинский лес,
На ветру к восхождению готовясь.

Рио

Не зря мечты и подвиги Остапа
Туда тянулись в неге и тоске,
Там беззаветно сразу же у трапа
Гоняют мяч горячий на песке,

Чтобы с годами короли футбола
В девятку с лёта поражали цель;
Там карий взгляд мулатки полуголой
Тебя влечёт, как в детстве карамель.

Там в пёстрых толпах радостно и бодро,
Под барабаны проторя путь,
В неутомимом ритме ходят бёдра,
И вся в огнях подрагивает грудь.

Там в край далёкий город возвращает,
Где нагота бесстыдна и чиста,
И молодых танцовщиц не смущает
Огромная над Рио тень Христа.

Осенняя соната

1

Аллегро

Когда над морем гибнет ветер,
Упругий обвисает шёлк;
Пожалуй, сам я не заметил,
Как это лежбище нашёл.

Пронизан пылью воздух спёртый.
И здесь терпеть? И здесь чадить?
Чернильницей бросаться в чёрта,
И замки в воздухе чертить.

Искать в шкафу лекарства шарик,
Как и пристало старикам;
И в пустоте от скуки шарить
По рифмам, странам и векам.

Уже затянутые ранки
Вспоминаньем бередить,
И словно ручкой от шарманки,
Себя размером заводить.

Когда в берлоге вязнет тело,
Выносит на свободу стих...
Как быстро время пролетело
В порывах музыки пустых.

2

Анданте

Плестись по чёрствым дням я больше не хочу,
И сердце расточать в размеренных химерах.
Ступаю по листве к случайному врачу,
Свободе от судьбы учусь в осенних скверах.

Помедленней пройди – и у скамьи застынь,
И память раствори в смиреньи увяданья.
Смотреть на листопад – и постигать латынь
В последней простоте прохладную к страданью.

Так вечером один в осенний скучный зной
Среди иссохших водорослей и мидий –
Подолгу за изменчивой волной
Рассеяно следил тоскующий Овидий.

И глядя, как вдали бежит пологий вал,
Как плавно и легко над ним кружится птица,
В каком-то забытии стеклянном забывал,
Как тяжела зима и далеко столица.

...Природа сентября, как чистая тетрадь,
В которую судьба вписать себя забыла.
В прозрачном холодке уже не разобрать:
То было ли со мной – всё, что когда-то было?

3

Аллегро

Михаилу Анищенко

Снова тучи сползлись к непогоде,
То ли дождик сечёт, то ли снег..
Расскажи мне, поэт, о свободе,
Позабывшей про тёплый ночлег.

Я о дырах в бюджете жалею,
Городские удобства ценю,
Тяжело пожилому еврею
Не держаться за эту..

Но в ненастную ночь почему-то
При ущербной и мутной луне
Беспощадно, как русская смута,
Поднимается что-то во мне.

Словно в зал ожидания вокзальный,
Где на жизнь затянулся транзит,
Из распахнутой юности дальней
Холодком и презреньем сквозит.

И ненастье свистит, и уносит
В откровенье дождя с темнотой,
Где наряды оставила осень
И последней казнит прямою,

Где в потёмках безликих окраин
Из потёртого дождевика
Ветер траурный слушает Каин,
Чтобы дальше брести сквозь века.

Привыкаем в насиженных норах
Близоруко считать колоски...
Ближе Бог на открытых просторах
В упоеньи бескрайней тоски.

В ковылях и грязи бездорожий,
Вечных ливнях и белой пурге,
Там, где странник скитается божий
Или зэки бегут по тайге.

Где ни крова, ни слова, ни хлеба –
Только близкое над головой
Облаками зовущее небо,
Только ветер – его вестовой.

Хорошо умереть на просторе,
Где, от нас не завися никак,
Рожь торопится, плещется море,
Или просто идёт товарняк...

Арион

У края бездны всё острее,
Всё искренней душа горит;
Так чайка раненая, рея,
Над морем вечером парит.

Так жизни окрик журавлиный
Зовёт бредущих на расстрел,
Так Арион перед пучиной
Пиратам обречённый пел.

Как я любил сугробы эти,
Покой застывших берегов,
Скрип на дорожке в лунном свете
Сосредоточенных шагов.

Чего ещё просить у Бога,
Когда блажен и одинок:
Простая, белая дорога
И чистый, звёздный холодок.

Помедли на мосту у пруда,
Под ясной бездною замри:
Перенесись ко мне оттуда,
Меня по крохам собери.

От этой жизни мутно-серой,
Упрямой спячки и стыда
К истокам мужества и веры
Веди меня через года.

Как Моисей к вратам Синая
В песках сомнений и невзгод,
Высокий посох поднимая,
Вёл маловерный свой народ.

Болеро

Пусть ручейки сомнений и уныний
В песок уходят почвы и судьбы,
И караван шагает по пустыне,
И в небесах качаются горбы.

И нарастает ритм однообразный,
Всё остальное в мире поглотив,
Как зов судьбы, прямой и неотвязный,
С пустыней примиряющий мотив.

Бритты

Виктору Гольшеву

Давным-давно исчезли бритты.
Так славно их Артур водил,
Но заросли травой плиты
Дворцов, часовен и могил.

Да, в Оксфорде ржавеют строки
С веками выцветших чернил,
Где Гальфрид, завершив уроки,
Рассказ о Лире сочинил.

Но их звериная отвага,
Сквозь время пронесённый стяг,
В названьи реющего флага
По всем морям прошелестяг.

Прервётся у Замбези танец,
В степи притихнет кенгуру,
Когда сюда придёт британец
И шлем затянет на ветру.

Бах

В узких улочках гуляя,
Зябко ёжится народ,
От Фомы до Николая
Затянуло небосвод.

Ничего давно не ново:
Город, церковь, неба муть;
Старика очередного
Шаткий и недолгий путь.

Гроб трясётся на повозке
Под унылый скрип колёс,
На ветру поют подростки,
Чтоб ему верней спалось.

Широко шагает кантор,
Хоть и ростом невысок,
Тонко ухо музыканта
Слышит каждый голосок.

Хором шмыгая носами,
Грязью пачкая чулки,
Под сырыми небесами
Голосят ученики,

За покойником шагая
Под церковный перезвон,
Башмаками постигая:
Свадьбы лучше похорон.

2

Всё, что надо мне на свете,
Я добыл своим трудом,
Чтоб росли и крепили дети
В любопытстве молодом.

Чтобы им давалась гамма,
И не скучен был вокал;
Чтобы долгого органа
В церкви голос не смолкал.

Привезут дрова и уголь,
Обогреем вечера.
Что мне надо – тёплый угол,
Скрип гусиного пера.

Чтобы я набычил шею,
Чтоб меня услышал Бог,
Чтобы страсти по Матфею
Трепетали в потолок.

Кнорозов

У лампы над столом немеркнувшей упрямо,
У спящих стеллажей кунсткамеры ночной
Всю жизнь ты уходил от будничного гама
В мерцающий язык, в далёкий мир иной.

И ты увидел их – под занавес, на вздохе –
Чей первобытный зов несказанным томит,
Свидетелей тобой разгаданной эпохи –
Средь зарослей густых ступени пирамид.

И ты, сложивший дни к далёкому подножью,
В испарине дрожал, вода по ним рукой;
Так в наслаждении дрожат последней дрожью
И в муках перед тем, как обрести покой.

Когда погрязло всё в базаре и раздоре,
Исполнивший судьбу ты как-то сразу сник;
И уходил один в больничном коридоре,
Как уходил всю жизнь в неведомый язык.

* * *

Чтоб не месить грязь,
Надо унять рысь,
И оборвать связь,
И унестишь ввысь.

Перекусив нить,
Лёгок полёт лет.
Но тяжело быть,
Если тебя – нет.

Двадцатый

Потом на знакомом перроне,
И под долгий колёс перестук
Увези меня в тесном вагоне
На вдали затихающий юг.

Пусть дымят, и кемарят от скуки;
Мутноватые стёкла дрожат;
Разобщённые временем руки
Над пустыми полями кружат.

Тянет в тамбуре гарью дорожной,
И гудок замирает глухой...
И пошлёт мне Господь невозможный,
Как из будущей жизни, покой.

Словно в кадрах замедленной съёмки,
Станет мир онемевший далёк;
Пусть толпятся мешки и катомки,
И со станций несут кипятков.

Пусть никто никого не встречает,
Где горит колыбельный закат;
Пусть вагон обречённо качает,
И колёса упрямо стучат.

* * *

О, если бы я шёл ко дну
И в нужный час не укололся –
Все песни бы сложил в одну,
Одной бы нотой обошёлся...

Так волки на метельном поле
Утробно воют на луну.

Домой

Брату Саше

Я ещё по тропинке притоптано твёрдой,
По сырому снежку в подмосковном лесу
До заветной калитки со старой щеколдой
Драгоценную нежность свою донесу.

И воспряну в призыве окрестного мая
Там, где к столику лист прошлогодний налип,
Где безумьем грозя и сердца надрывая,
Разливается запах проснувшихся лип.

Доберусь по затишью с улыбкой неловкой
В отдыхающем воздухе светло пустом
До опавших берёз с бельевой верёвкой
И собаки навстречу с неуёмным хвостом.

Вена

Когда погасят в зале свечи,
Тяжёлый бархат уберут,
И женщин радостные плечи
И бордовом сумраке замрут;

Застынут, вслушиваясь, лица;
И лишь прелюдии вослед
Над перевёрнутой страницей
Колышется неяркий свет.

У сцены прохожу незримо,
Там, где рояль в полубреду
Рыдает в ухо серафима
У строгой Вены на виду.

Где, словно утешая скерцо,
Рука протянется с высот
И усмирившееся сердце
Над миром плавно понесёт.

Ведь ты в тумане не оставишь
Того, кто маяться устал, –
По мановенью беглых клавиш
Вернёшь магический кристалл.

И я не дрогну и не сдамся,
Прямую утверждая речь,
Под взмахи и гримасы Брамса,
Под убыванье венских свеч.

* * *

Всё досталось безлюдью и вьюгам.
Даже Сольвейг уже не поёт.
За полярным спасительным кругом
Одинокое солнце встаёт.

Там хотел бы устать и причалить,
Где тяжёлые ветры свистят,
Где бросается море на наледь,
И над брызгами чайки кричат.

Я со всеми скучал и крепился,
Но когда мы к земле подойдём –
Только ветер окликнет у пирса,
Только чайка помашет крылом.

Уповая на слово Господне,
Завершаются наши труды,
Опускаются шаткие сходни
На твердыню у тёмной воды.

* * *

Всё чище, всё легче, всё чаще
(Дюймовочка? птичка? свирель?)
Трепещет и льётся из чаши
Какая-то чудная трель.

Теряется, тенькает, свищет,
Справляет забвенья забот,
Всё выше, всё легче, всё чище –
Взвивается, вьётся, зовёт.

Послушай – совсем недалече
Парит над сплетеньем ветвей
Всё выше, всё чище, всё легче,
Прозрачнее, тоньше, светлей.

1

2

Содержание

«Как я счастлив на этой неделе...»	5
Нелётная погода	6
Командировка	7
Восток	8
Малеевка	9
Языческий храм	10
«Кто эта грузная старуха...»	11
Метель	13
«Как ты ворочалась в постели...»	14
Моцарт	15
«Над биржами Лондона хмуро...»	16
«Лица не разглядеть от грязи...»	17
Венеция	18
«Этот крест не отдам никому...»	21
Окно	22
«Когда пробиваются почки...»	23
«Третий день дожди и стужа...»	24
Крым	25
Воробушек	29
Паганини	30

Ширанскому	32
«Стекают капли пота...»	33
Петербург	34
Считающий деньги	35
Гармонь	36
Гомер	37
«Шла лихая игра на втором этаже...»	38
Рио	40
Осенняя соната	41
Арион	46
«Как я любил сугробы эти...»	47
Болеро	48
Бритты	49
Бах	50
Кнорозов	52
«Чтоб не месить грязь...»	53
Двадцатый	54
«О, если бы я шёл ко дну...»	55
Домой	56
Вена	57
«Всё досталось безлюдью и выюгам...»	59
«Всё чище, всё легче, всё чаще...»	60

ISBN 5-902913-03-9

© Гофман В.Г.

© ООО «Художественно-издательский центр», 2010

СЛЕПОЙ ПОЛЁТ

Подписано в печать 20.05.2010.

Формат 70x100¹/₃₂. Печ. л. 2. Бумага офсетная.

Гарнитура AGPalatial. Печать офсетная.

Тираж 200 экз. Заказ № 0503.

Издательство

ООО «Художественно-издательский центр», Москва

телефон (495) 233 2217

Отпечатано в ООО «Изопроект пвх»

127562 Москва, Алтуфьевское шоссе, 28

